

*Памяти Крапа и Дымка, Бурохвостки и
Радуги, Лоскутника и Синдбада – прекрасных
голубей и голубок*

Пролог

Последний день змеев

Долгий путь остался позади. Теперь она была у цели, и годы странствий уже начали тускнеть в памяти. Все заслонила новая насущная забота.

Морская змея Сисарква открыла пасть и изогнула шею, мысли ее путались. Вот уже много лет не покидала она морскую стихию. Чувствовать под собой сушу ей не приходилось с тех самых пор, как Сисарква вылупилась на острове Иных. Теперь тот остров, с его горячим сухим песком и ласковыми водами, остался далеко. А здесь, в лесах у обжигающе холодной реки, наступала зима. Мерзлая земля колола тело. От ледяного воздуха жабры очень быстро высыхали. С этим ничего нельзя было поделать, оставалось только работать побыстрее. Она подхватила пастью из глубокой канавы серебристой глины вперемешку с речной водой, запрокинула голову и проглотила эту холодную, скрипучую от песка массу. Как ни странно, оказалось вкусно. Змея сделала еще глоток. И еще.

Сисарква потеряла счет глоткам зернистой смеси, когда наконец ощутила пробуждение древнего инстинкта. Напрягая мышцы глотки, она чувствовала, как набухают ее ядовитые железы. Грива – мясистая бахрома на шее – встопорщилась, превратившись в дрожащий смертоносный воротник. Содрогнувшись всем телом, змея широко раскрыла пасть, поднатужилась – и все получилось. Сведя челюсти, она тонкой струей выплюнула рвущуюся наружу смесь глины, желчи, слюны и яда. Струя была подобна серебристой нити, тугой и тяжелой. Сисарква с трудом повернула голову, скрутилась поплотнее, прижав хвост к телу, и принялась оплетать себя глинистой смесью, словно влажным кружевом.

Послышалась тяжелая поступь. Тинталья. Драконица остановилась и заговорила с ней:

– Хорошо. Да, правильно. Прекрасное плетение, без прорех. Для начала очень хорошо.

Сисарква не могла даже взглянуть на серебряно-синюю королеву, удостоившую ее похвалы. Змея полностью отдалась делу, создавая оболочку, которая укроет ее на оставшиеся месяцы зимы. Сисарква трудилась с отчаянием, из последних сил. Она хотела спать, мечтала уснуть, но знала, что если заснет сейчас, то не проснется никогда ни в каком облике.

«Закончить кокон, – думала она. – Закончить. Потом смогу отдохнуть».

Рядом на речном берегу тем же самым, более или менее успешно, занимались ее сородичи. Среди них копошились люди. Одни ведрами носили с реки воду. Другие копали серебристую глину у ближнего берега и грузили ее в тачки. Подростки катили эти тачки к наспех сооруженной бревенчатой ограде. В яму лили воду, туда же сбрасывали глину, лопатами разбивали комья и размешивали до жидкой каши. Эта смесь была строительным материалом для оболочек. Змеи глотали ее, в утробе она насыщалась их ядом. В глиняном коконе под действием яда дыхание змеи замедлится, и она погрузится в глубокий, похожий на смерть сон. Вместе со слюной Сисарква вплетала в кокон воспоминания – не только свои собственные, но и память предков, жившую в ней.

И лишь драконы-стражи, опекуны змей, не внесли туда положенную лепту. Память шептала ей: в такой час рядом должно было бы кружить не меньше дюжины драконов – заботиться о змеях, пока те плетут убежища, ободрять их, жевать серебристый песок памяти и глину, добавляя в дело свою слюну и свою историю. Но стражей не было, а Сисарква слишком устала, чтобы гадать, как это скажется на ее судьбе.

К тому времени, когда кокон наконец был готов, Сисарква совершенно обессиленна. Оставалось втянуть голову в горловину и закрыть отверстие. И тут до нее дошло, что змеям прежних поколений запечатать оболочку помогали драконы. А сейчас помочь некому.

На этот раз в устье Змеиной реки их собралось всего сто двадцать девять. Сто двадцать девять змей, готовых начать рискованный переход вверх по течению к месту сотворения коконов. Моолкин, их предводитель, очень тревожился, что среди них оказалось мало самок – меньше трети. В былые годы сюда приплывали сотни змей, причем самцов и самок было поровну. А Сисаркве и ее сверстникам выпало

сначала затянувшееся ожидание в море, потом долгий путь, который они проделали в надежде вернуть себе подлинный облик. И теперь было невыносимо думать о том, что их слишком мало и что драгоценное время уже упущено.

Трудности речного пути оказались под силу не всем. Сисарква точно не знала, сколько ее сородичей добралось до места. Их осталось примерно девяносто, а самок всего десятка два. И змеи продолжали умирать. Вот только что она услышала, как Тинталья сказала человеку:

– Он мертв. Возьмите молоты, разбейте его оболочку и бросьте в яму с глиной памяти. Пусть другие сохраняют воспоминания его предков.

Сисаркве не было видно, но по звукам она поняла, что Тинталья вытаскивает мертвеца из его незавершенного кокона. Змея чуяла его плоть и кровь, пока драконица пожирала тело. Как трудно сопротивляться голоду и страшной усталости! Сисаркве хотелось разделить трапезу Тинталья, но она знала, что есть уже слишком поздно. Ее утроба полна глины, и надо продолжать.

А Тинтальяе нужно поест. Удивительно, как она еще держится. Единственный дракон, оставшийся в живых, чтобы оберегать змей. Всю дорогу Тинталья не сводила с них глаз, без усталости летая над рекой, изменившейся до неузнаваемости за прошедшие десятилетия. В основном она лишь подбадривала змей. А что еще ей оставалось? Она одна, а их множество...

Легко, как паутинка, коснулось разума древнее воспоминание.

«Неправильно, – подумала Сисарква. – Все неправильно, все не так, как должно быть».

Вот река – но где дубравы и пышные луга, некогда окаймлявшие ее? Сейчас вдоль реки тянется заболоченный лес с редкими островками твердой почвы. Если бы люди не потрудились и не укрепили тут берег камнем, его растоптали бы в грязь. Древняя память змеев шептала ей о богатых глиной отмелях вблизи города Старших. Драконам полагалось носить глину, смешивать ее с водой в яме и запечатывать оболочки змей. И все это должно было происходить под ярким летним солнцем.

Сисарква содрогнулась от изнеможения, и воспоминание исчезло. Попытки вернуть его оказались безуспешны. Осталось лишь понимание, что она – одинокая змея, пытающаяся сделать себе кокон,

который защитил бы ее от зимних холодов, пока тело преобразуется. Просто змея, замерзшая и обессиленная после долгого плавания.

Потом вспомнились последние несколько месяцев. Конечный отрезок пути был непрерывной битвой с речным течением и каменистыми порогами. В Клубок Моолкина Сисарква попала недавно, и ее многое удивляло. Обычно в Клубок входило от двадцати до сорока змеев. А Моолкин собрал всех, кого смог найти, и повел на север. Им двигала глубокая убежденность в необходимости этого, пусть такому многочисленному Клубку и было куда труднее прокормиться в пути. Сисарква никогда не видела, чтобы столько змей странствовало вместе. Сказать по правде, некоторые из них опустились до того, что уже мало отличались от животных, другие от смятения и страха оказались на грани безумия. Рассудок очень многих был затуманен забвением. Но когда они все следовали за змеем-пророком со сверкающими золотом ложными глазами, Сисарква почти вспомнила древний путь. И другие змеи, плывшие рядом, тоже постепенно обретали дух и разум. Их тяжелое путешествие было правильным, правильнее всего, что случилось за долгие годы.

И все же ее посещали сомнения. Унаследованная память подсказывала, что та река, которую они искали, была глубока и полноводна и рыба в ней водилась в изобилии. В грезах Сисаркве являлись холмы и прибрежные луга, окаймленные чистым лесом, где голодные драконы могли найти пропитание. А эта река была узкой, и ее русло петляло среди лесов, заросших кустарником и ползучими лианами. Вряд ли она вела к их древним местам окукливания. Но Моолкин яростно настаивал, что дорога верная.

Сомнения чуть не заставили Сисаркву повернуть обратно. Хотелось сбежать из этой ледяной реки и вернуться в теплые океанские воды, на юг... Но стоило замедлить ход или повернуть в сторону, другие змеи возвращали ее в Клубок, и приходилось плыть с ними дальше.

Однако если в истинности видений Моолкина она могла усомниться, то авторитет Тинтальи был для нее неоспорим. А синяя с серебром драконица признавала Моолкина вождем и помогала тому странному кораблю, что указывал путь его Клубку. Тинталья плыла над ними, подбадривала, направляла Клубок сначала на север, потом вверх по реке. До Трехога, города двуногих, плавание было хоть и

утомительным, но без особых трудностей: змеи просто следовали за кораблем. А вот когда этот город остался позади, река изменилась: обмелела, разлилась вширь и разделилась на извилистые притоки.

Корабль-проводник остался в городе, он не мог плыть по мелководью. То и дело на пути встречались широкие отмели из гальки и песка, длинные лианы и корни растений душили протоки. Река текла то меж острых камней, то – на следующем повороте – через тростниковые заросли. Сисарква снова захотела повернуть назад, но вслед за другими змеями поддалась уговорам драконицы. Они поднимались все выше. Вместе с сотней сородичей Сисарква переползала через запруды из бревен – их построили люди, чтобы помочь змеям одолеть последние, самые трудные отмели.

Выжить удалось далеко не всем. Небольшие раны, которые быстро затянулись бы в соленой морской воде, река превращала в гниющие язвы. Из-за долгих скитаний даже лучшие из змеиного племени пали духом и повредились рассудком. Многое, очень многое шло не так. Это путешествие следовало предпринять десятки лет назад, пока змеи были сильны и молоды, и подниматься по реке надо было летом, когда тела лоснятся от жира. А они плыли в дожди и зимние холода – отошавшие, изможденные. К тому же были намного старше своих предшественников.

За ними присматривала одна-единственная драконица, которая сама вышла из кокона меньше года назад. Тинталья летела, сверкая серебром в бледных лучах солнца, прорывавшихся сквозь тучи. «Уже недалеко! – кричала она змеям. – За этими порогами снова глубина, там поплывете. Давайте шевелитесь!»

А их покидали последние силы. Один крупный оранжевый змей так и умер, не сумев перекинуть свое тело через бревна запруды и повиснув на них. Сисарква была рядом с ним и видела, как его крупная клинообразная голова вдруг упала в воду. Она с нетерпением ждала, когда же он двинется дальше. Но тут завитки его гривы вдруг содрогнулись и выпустили посмертное облачко яда – слабенькое, быстро рассеявшееся. Последняя защитная реакция тела. Облачко сообщило змеям, что их сородич мертв. Запах и вкус его яда, попавшего в воду, звали на пиршество.

Сисарква немедля вырвала из мертвого тела кусок, проглотила и оторвала еще, пока другие змеи не успели понять, что случилось.

Неожиданная возможность подкрепиться ошеломила ее не меньше, чем хлынувший поток воспоминаний мертвого змея. Драконы никогда не бросали тела умерших: живые питались мертвыми, забирая себе их знания. Каждый дракон хранил память всех своих предков, и точно так же каждый змей берег то, что помнили его предшественники. Так должно было быть. Однако Сисарква и барахтавшиеся рядом с ней сородичи слишком задержались в змеином облике. Воспоминания выцветали, а с ними угасал и разум. Эти змеи стремились стать драконами. Но какие драконы из существ, которые уже превратились в грубое подобие тех, кем должны были быть?

Сисарква вскинула голову, мотнув гривой, и отхватила еще один кусок от тела оранжевого змея. Нахлынули воспоминания о рыбе и о ночных песнях Клубка под звездным небом. Очень древние воспоминания. Уже несколько десятилетий ни один Клубок не поднимался из Доброловища на Пустоплѣс и не возвышал голосов во славу звездного неба.

Ее окружили сородичи, они шипели и топорщили гривы, отпугивая друг друга и соперничая из-за каждой доли пиршества. Сисарква рванула последний кусок мяса и переползла через бревно, которое не смог одолеть оранжевый. Заглотив еще теплый кусок целиком, она вдруг подумала о небе, и в ней встрепенулось смутное драконье воспоминание оранжевого змея. Небо, раскинувшееся широко, как море... Скоро она вновь поплывет в нем. Осталось совсем немного – так обещала Тинталья.

Но если дракон преодолел бы это расстояние одним взмахом крыла, то измученным змеям предстояло долгое сражение с быстрой рекой. До заката они так и не увидели глинистого берега. Короткий день кончился, едва начавшись. Ночь пала внезапно, как удар. Еще одна ночь, когда от холода некуда было деться. Воды в обмелевшей реке едва хватало, чтобы смачивать жабры. Кожа на спине чуть не трескалась от обжигающего ледяного воздуха. Когда утром солнце осветило берега реки, Сисарква увидела: тех, кто уже не завершит этот путь, стало еще больше. И вновь ей удалось урвать свою долю еды, прежде чем толпа сородичей оттеснила ее от мертвых тел. Тинталья снова кружила над ними, уверяя, что до Кассарика уже недалеко, что скоро их ждет долгий мирный отдых преобразования.

День тоже был холодным, а спина за ночь пересохла. Сисарква чувствовала, как лопается кожа под чешуей, и когда река снова стала глубже и удалось нырнуть, мутная вода обожгла трещины. Сисаркве казалось, что ее тело разъедает кислота. Будь место окукливания чуть дальше, она могла бы и не добраться до него.

После полудня возникло ощущение, что они опаздывают, но время при этом тянется мучительно долго. В глубоких протоках змеи могли плыть, и хотя вода жгла потрескавшуюся шкуру, это было лучше, чем ползти на животе, словно гадюка, по заиленным камням речного дна.

Сисарква не заметила, когда они прибыли на место. Солнце уже клонилось к западу и постепенно скрылось за стеной деревьев, подступавших к реке. На илистом берегу реки какие-то создания – не Старшие – зажгли факелы, расставленные большим кругом. Змея присмотрелась к этим существам. Люди. Обычные двуногие, немногим больше, чем еда, которой змеи привыкли питаться. Люди мельтешили кругом и явно подчинялись Тинталье, служили ей, как некогда Старшие. Это было унижительно. Неужели драконы пали так низко, что связались с людьми?

Сисарква задрала голову, приносясь к ночному воздуху. Неправильно. Все неправильно. Вряд ли их место окукливания находится именно здесь. Но на берегу она увидела змей, опередивших ее. Некоторые уже замкнулись в коконы из серебрящейся глины и собственной слюны. Другие, изнемогая от усталости, пытались завершить работу.

Завершить работу. Да. Она вернулась в настоящее. Некогда предаваться воспоминаниям. В последний раз зачерпнув глиняной смеси, она слепила горловину кокона. Но не рассчитала. Запечатать оболочку было уже нечем. Если попытаться дотянуться до глины, кокон может сломаться, и это будет ужасно, потому что сил сделать новый уже нет. Работа почти завершена, осталась самая малость, но, если ею пренебречь, смерти не избежать.

Сисаркву накрыло волной паники и ярости. Сначала она хотела вырваться из кокона, но потом успокоилась, поддавшись воспоминаниям. Вот в чем ценность родовой памяти – иногда мудрость прошлого одолевает страх в настоящем. Разум прояснился. Змея вспомнила сородичей – и тех, кто пережил такую ошибку, и тех,

кто из-за нее погиб. Тела мертвых пожрали выжившие. Память о фатальных ошибках осталась, служба живым.

Она ясно представила пути, что ей оставались. Остаться в оболочке и позвать драконицу на помощь. Бесплезно. Тинталья слишком занята. Выбраться из оболочки и попросить, чтобы драконица принесла ей еды, – тогда появятся силы заново выстроить кокон. Невозможно. Опять подступил страх. Теперь она отбросила его усилием воли.

Сисарква не собиралась умирать. Она проделала долгий путь, полный опасностей. Неужели чтобы теперь сдаться смерти? Нет. Она выживет, она восстанет весной драконом и вернет себе небо. Она снова будет летать. Как-нибудь.

Как?

Она жила, чтобы возродиться королевой драконов. Значит, надо потребовать то, что принадлежит королеве. Право спасения.

Собравшись с силами, Сисарква выкрикнула:

– Тинталья!

Жабры пересохли, горло было ободрано грубой глиной. Отчаянная просьба о помощи прозвучала почти шепотом. И теперь не осталось сил даже на то, чтобы выбраться из оболочки. Это верная смерть!

– Что случилось, красавица? Я чую твое смятение. Чем тебе помочь?

Сисарква не могла повернуть голову, она лишь скосила глаза и увидела, кто к ней обращается. Старший. Он был слишком мал и юн, но интуиция ей подсказала: ошибки нет. Это не какой-то там человек, хотя и похож обликом.

Жабры были совсем сухими. Змеи могут подниматься из воды, могут даже при этом петь, но сейчас холодный сухой воздух убивал ее. Она с трудом вдохнула и ощутила запах. Без сомнения, Тинталья оставила отпечаток на этом Старшем. Он был весь во власти ее чар. Сисарква медленно закрыла и снова открыла глаза, но так и не смогла разглядеть его яснее. Она сохла слишком быстро.

– Я не могу... – только и сумела сказать она.

И почувствовала, как встревожился о ней Старший.

– Тинталья! – крикнул он. – Беда! Эта змея не может закрыть кокон. Что нам делать?

Голос драконицы долетел с другого края площадки:

– Возьми глины, да пожиже! Быстрее! Покрой ей голову и заделай отверстие. Запечатай ее, но только постарайся, чтобы первый слой был повлажнее.

Тинталья торопливо приблизилась к Сисаркве:

– Мужайся, сестричка! Не многие выходят из коконов королевами. Ты должна быть среди них.

Тут подбежали рабочие – одни тащили глину на носилках, другие – в ведрах. Сисарква вытянула шею и прикрыла глаза. Возле ее кокона юный Старший выкрикивал приказы:

– Быстрее! Не ждите Тинталью! У этой змеи пересыхают кожа и глаза. Лейте воду. Так! Еще! Еще ведро. Грузите носилки. Живо!

Обрушилась жидкая смесь, запечатывая кокон. Теперь начал действовать яд. Сисарква погружалась в состояние, которое пусть и не было сном, но дарило отдых. Благословенный, долгожданный отдых.

Она чувствовала, что Тинталья где-то рядом. На кокон легла теплая тяжелая заплатка, и Сисарква с благодарностью поняла, что драконица запечатала ее кокон. Насыщенные памятью испарения заполнили кокон и впились ей в шкуру. Здесь были и воспоминания Тинтальи, и часть опыта только что пожранного змея. Сисарква слышала, как Тинталья дает указания рабочим.

– Вот тут ее оболочка слишком тонкая. И вон там. Принесите глины и положите ее сюда в несколько слоев. Завалите кокон ветками и листвой. Укройте от света и холода. Они слишком поздно окуклились. До вершины следующего лета на них не должен упасть солнечный свет, ибо я опасюсь, что к весне они еще не будут готовы. Когда закончите здесь, ступайте на восточный край, там еще один страждущий.

Сознание Сисарквы уже угасало, когда до ее слуха донесся звонкий голос Старшего:

– Мы вовремя ее запечатали? Она выживет? Вылупится?

– Не знаю, – мрачно ответила Тинталья. – Год на исходе, змеи стары и измождены, половина из них голодала. Кое-кто из первой волны уже умер в коконах. Прочие еще сражаются с рекой и порогами. Многие из них погибнут, так и не добравшись до берега. И это к лучшему – их тела послужат пищей оставшимся, дадут им шанс на выживание. А вот от умирающих в коконах мало пользы, только напрасные хлопоты и разочарование.

Тьма окутала Сисаркву. Возникло непонятное ощущение: то ли она промерзла до костей, то ли ей уютно и тепло. Все глубже проваливаясь в подобие сна, она чувствовала тяжелое молчание юного Старшего. Наконец тот заговорил, и до нее долетели не столько его слова, сколько мысли:

– Люди Дождевых чащоб будут рады заполучить останки. Они называют их диводревом и очень ценят...

– Нет!

Крик драконицы чуть не пробудил Сисаркву. Но истощенное тело не могло сопротивляться дремоте, и она снова стала погружаться в темноту. И в мир, что находится за границей снов, ее сопроводили слова Тинталы:

– Нет, братец! Все драконье принадлежит только драконам. Весной те, кто выйдет из коконов, пожрут коконы и тела невышедших. Таков наш обычай, так мы сохраняем свои знания. Умершие укрепят силы живых.

Сисарква не знала, что суждено ей. Тьма объяла ее.

*Семнадцатый день месяца Надежды,
седьмой год от воцарения его славнейшего
и могущественнейшего величества сатрапа Касго,
первый год Вольного союза торговцев*

*От Детози, смотрительницы голубятни в Трехоге, —
Эреку, смотрителю голубятни в Удачном*

Посылаю официальное прошение Совета торговцев Дождевых чащоб о справедливом и достойном возмещении дополнительных и неожиданных расходов, которые мы понесли, ухаживая за коконами змеев для драконицы Тинталы. Совет требует немедленного ответа.

Эрек, мы очень пострадали от весеннего половодья. Драконьи коконы были сильно повреждены, а некоторые и вовсе смыло. Река перевернула небольшую баржу, и, боюсь, это была та самая, на которой я посылала тебе молодняк для пополнения стаи Удачного. Все они погибли. Я подожду, пока мои птицы не отложат побольше яиц, и пришлю тебе птенцов, как только они оперятся. Трехог уже не тот, что прежде, в нем столько татуированных лиц! Мой господин сказал, что мне не следует ставить даты от дня нашей

*Независимости, но я пренебрегла его указанием. Слухи подтвердятся,
я уверена!*

Детози

Глава 1

Речник

Весне уже полагалось вступить в свои права, однако все еще было чертовски холодно. Слишком холодно, чтобы спать на палубе, а не в каюте. Вчера вечером, когда он поддался чарам рома и мерцающих над лесом звезд, эта идея казалась ничего себе. И вроде было тепло, и насекомые стрекотали на деревьях, и ночные птицы перекликались, и летучие мыши металась над рекой. Ему нравилось лежать на палубе баркаса, смотреть по сторонам, на реку, на Дождевые чащобы и думать о своем месте в этом мире. Смоляной мерно покачивал его, и все было хорошо.

А вот наутро, когда одежда вымокла от росы и тело совершенно заоченело, мысль заночевать под открытым небом уже казалась приличествующей скорее двенадцатилетнему мальчишке, чем капитану тридцати лет от роду. Он медленно сел. В холодном утреннем воздухе от дыхания пошел пар. Дохнув перегаром вчерашнего рома, он проследил за облачком. Потом, ворча под нос, поднялся на ноги и огляделся. Ага, светает. В кронах прибрежных деревьев просыпались, перекликаясь, дневные птицы. Но до воды солнечные лучи едва доходили, с трудом пробиваясь через молодую листву и теряя по пути тепло. Когда солнце поднимется повыше, оно осветит открытую воду и заберется под деревья. Однако это случится не скоро.

Лефтрин потянулся, расправляя плечи. Рубашка неприятно холодила кожу. Ну, он это заслужил. Если бы на палубе заснул кто-то из его команды, капитан так бы ему и сказал. Однако все одиннадцать человек спали на узких койках, тянувшихся в несколько ярусов вдоль кормовой стены палубной надстройки. И только его койка в эту ночь осталась пуста. Неразумно.

В такую рань обычно никто не вставал. Огонь в печке на камбузе еще не разводили, так что не было ни кипятка для чая, ни горячих лепешек. А он уже проснулся, и ему захотелось прогуляться под деревьями. Странное желание так и свербело в нем. Вероятнее всего,

его истоки – в забытых снах прошедшей ночи. Лефтрин попытался было выудить их из памяти, но оборванные концы в его мысленной хватке обратились нитями паутины и ускользнули. И все же нужно последовать наваянному снами желанию. Он никогда не оставался в проигрыше, повинуюсь подобным побуждениям, а если, напротив, не обращал на них внимания, потом неизбежно об этом сожалел.

Лефтрин прошел через рубку мимо спящей команды и пробрался в свою каюту. Сменил палубные башмаки на береговые сапоги высотой по колено, из промасленной бычьей кожи. Они почти сносились – едкие воды реки Дождевых чащоб не щадили ни обуви, ни одежды, ни дерева, ни кожи. Но еще пару походов по берегу сапоги выдержат, да и его собственная шкура тоже. Он снял с крючка непромоканец, накинул на плечи и пошел обратно через кубрик. Остановившись у койки рулевого, пнул ее. Сварг дернулся, приоткрыл затуманенные глаза.

– Я пошел на берег размяться. Вернусь к завтраку.

– Понял, – буркнул Сварг.

Этим коротким словом – единственным, кстати говоря, возможным ответом на уведомление капитана – красноречие Сварга обычно и исчерпывалось.

Лефтрин хмыкнул и вышел из рубки.

Накануне вечером они вытащили баркас на топкий берег и привязали к большому склоненному дереву. Лефтрин спрыгнул с тупого носа баркаса в грязь и камыши. Нарисованные на носу судна глаза смотрели в сумрак под деревьями. Десять дней назад из-за ливней и ветра река вышла из берегов. За последние двое суток вода спала, но прибрежная растительность еще не оправилась от наводнения. Камыши покрывал ил, трава полегла под тяжестью грязи. Низкий берег был весь в лужах. Лефтрин шел вдоль него, и вода тут же заполняла оставленные им глубокие отпечатки.

Он не знал точно, куда и зачем идет. Просто следовал своему капризу, удаляясь от берега в чащу. Там следы наводнения были еще явственней. Среди стволов виднелись принесенные водой коряги. С ветвей свисали пряди водорослей и разорванные лианы. Слой ила лежал на траве и мхе. Гигантские деревья, составлявшие основу Дождевых чащоб, не пострадали от наводнений, чего нельзя было сказать о подлеске. Кое-где течение проложило себе дорогу, и листва

молодых деревьев так отяжелела под грузом ила и грязи, что ветви согнулись до земли.

Лефтрин старался идти по этим тропам в подлеске. Самые топкие места обходил, проламываясь сквозь кусты. Он взмок и перемазался. Ветка, которую он попытался отвести в сторону, сорвалась и ударила по лицу, обрызгав грязью. Лефтрин сразу стер жгучую дрянь с кожи. Как у большинства речников, его лицо и руки были закалены водой реки Дождевых чащоб. От этого лицо загрубело, и задубевшая кожа странно контрастировала с серыми глазами. Лефтрин в глубине души был уверен, что именно поэтому у него на лице так мало всяких наростов и еще меньше чешуи, столь досаждавших его собратьям из Дождевых чащоб. Впрочем, это все равно не делало его ни красавцем, ни даже просто привлекательным мужчиной – эта мысль заставила капитана печально усмехнуться. Он отогнал ее, отвел ветку от лица и пошел дальше.

Внезапно Лефтрин остановился. Смутное, неуловимое ощущение. Нечто витающее в воздухе или на краю видимости и не поддающееся осмыслению подсказало, что он уже близко. Капитан стоял неподвижно, постепенно осматривая все вокруг. Взгляд зацепился за что-то, и черные волоски у него на шее встали дыбом, когда он разглядел находку. Вот оно! Всё в зелени пополам с грязью, занесенное илом, только местами проглядывает что-то серое. «Бревно» диводрева.

Не огромное, нет, даже не такое уж большое вопреки слухам. Всего в две трети его роста, а он человек невысокий. Но этого хватит. Вполне достаточно, чтобы разбогатеть.

Лефтрин оглянулся. Подлесок, из-за которого не было видно реку и баркас, укрывал и его от чужих глаз. Вряд ли кому-то из корабельной команды хватит любопытства, чтобы устроить слежку. Когда он ушел, все спали и наверняка спят до сих пор. Сокровище принадлежит только ему.

Капитан продрался через растительность и наконец дотронулся до «бревна». Мертвое. Он понял это еще до прикосновения. В детстве ему приходилось спускаться в чертог Коронованного Петуха. Он видел кокон Тинталы до того, как та вылупилась, и помнил ощущения от него. А в этом коконе дракон умер и уже не проклюнется. Не важно, погиб ли он, когда кокон еще был на полях окукливания, или его убило

наводнение. Главное, что дракон мертв, диводрево можно забрать, а, кроме Лефтрина, никто не знает, где оно находится. И как удачно, что он из тех немногих, кому известно, как распорядиться находкой наилучшим образом.

Семья Хупрус сделала на диводреве свое немалое состояние. Братья его матери обрабатывали этот материал еще до того, как люди поняли, что он собой представляет. Юный Лефтрин бродил по низкому строению, где дядья пилили диводрево, которое было крепче железа. Едва Лефтрину исполнилось девять лет, отец решил, что он достаточно взрослый, чтобы ходить с ним на баркасе. И Лефтрин занялся честным ремеслом, постигая его с азов. Когда ему было двадцать два, отец умер, и Лефтрин унаследовал баркас. Почти всю жизнь он был речником. Но от родни со стороны матери ему достались инструменты для обработки диводрева и знания о том, как их использовать.

Лефтрин обошел кокон. Это было тяжело. Поток воды его забило между двумя деревьями. Один конец глубоко погрузился в грязь, другой выступал наружу и был весь в мусоре. Лефтрин поначалу хотел очистить и рассмотреть находку как следует, но потом решил оставить все как есть. Он добежал до баркаса, украдкой вытащил бухту троса^[1] из рундука и быстро вернулся к своей находке, чтобы обезопасить ее от случайностей. Работа была грязной, но он остался доволен тем, как справился с ней: даже если река снова поднимется, его сокровище останется на месте.

Возвращаясь на баркас, он почувствовал, что в сапоге хлюпает. Ногу засадило. Лефтрин ускорил шаг, мысленно ругаясь. На следующей стоянке придется купить сапоги. Парротон – новое и одно из самых маленьких поселений на реке Дождевых чащоб. Там все дорого и найти калсидийские сапоги из бычьей кожи непросто. Остается уповать на милость купца. Мгновение спустя капитан кисло усмехнулся. Вот он отыскал клад, который принесет ему больше, чем десяток лет работы на барже, и тут же мелочится, подсчитывая, сколько сможет выложить за новую пару сапог. А ведь как только он распилит свою находку и распродаст частями, о деньгах можно будет больше не беспокоиться.

Лефтрин задумался. Следовало решить, кому доверить свой секрет. Ему нужен был помощник – чтобы держать вторую ручку пилы и

донести тяжелые части кокона до баркаса. Привлечь кузенов? Пожалуй. Кровь – не водица, даже если это густая мутная вода реки Дождевых чащоб.

Но сохранят ли они тайну? Должны. Им придется соблюдать осторожность. Свежеобработанное диводрево не спутаешь ни с чем, у него особенный запах и серебристый блеск. Поначалу торговцы Дождевых чащоб ценили этот материал только за устойчивость к едкой речной воде. Баркас Лефтрина, «Смоляной», был одним из первых кораблей, обшивку которого сделали из диводрева. В те времена корабельщики Дождевых чащоб и не подозревали, что у материала проявятся магические свойства. Находя «бревна» в обнаруженном ими древнем подземном городе, они просто использовали их как хорошо выдержанную древесину.

Подлинная сила диводрева открылась только тогда, когда из него стали строить большие корабли, которые могли плавать не только по реке, но и по соленым прибрежным водам. Их носовые изваяния поразили всех: спустя века после постройки кораблей они начали оживать. Это было чудо – деревянные скульптуры говорили и двигались. Сейчас живых кораблей не так уж и много, и их ревностно охраняют. Ни один из них никогда не продавали за пределы Союза торговцев. Только торговец из Удачного мог купить живой корабль, и только на живом корабле можно было без опаски плавать по реке Дождевых чащоб. Корпуса обычных судов быстро сдавались ее разъедающим что угодно водам. И никто лучше живых кораблей не мог защитить тайные города Дождевых чащоб и их обитателей.

Затем последовали другие открытия. Огромные бревна в чертоге Коронованного Петуха оказались на самом деле отнюдь не бревнами, а драконьими коконами. Люди Старшей расы, или, как их еще звали, Элдерлинги, спрятали их там, чтобы защитить от извержения вулкана. Об истинном значении этого открытия говорить не любили. Драконица Тинталья вышла из кокона. А сколько коконов, хранивших в себе живых драконов, было распилено на доски для кораблей? Об этом никто не заикался. Даже живые корабли неохотно говорили о драконах, которыми они могли бы стать. И даже Тинталья предпочитала молчать. И все же Лефтрин подозревал, что, если известие о коконе, который он обнаружил, распространится, находку у него немедленно отберут. Рисковать нельзя – о его диводреве не должны узнать ни в Удачном, ни

в Трехоге, и Са упаси, если слух дойдет до драконицы. Тайну нужно сохранить во что бы то ни стало.

Лефтрина раздражало, что сокровище, которое раньше можно было выставить на торги и продать подороже, теперь придется сбывать тайно. Впрочем, рынки сбыта все же остались, и неплохие. В Удачном всегда были те, кто тихо и без лишнего любопытства скупит товар, не спрашивая о его происхождении. Так что торговец, готовый на незаконную сделку ради того, чтобы войти в милость к сатрапу Джамелии, обязательно найдется.

Но настоящие деньги могли дать только калсидийские купцы. Ненадежный мир между Удачным и Калсидой был заключен совсем недавно. Стороны подписали мелкие соглашения, а вот главные решения – о границах, торговле, пошлинах и праве на проход по реке все еще обсуждались. Ходили слухи, что здоровье правителя Калсиды пошатнулось. Калсидийские посланцы уже пытались купить проезд вверх по реке Дождевых чащоб. Их завернули, зная, какова их цель: они хотели купить части драконьих тел – кровь для эликсиров, плоть для омоложения, зубы для кинжалов, чешую для легкой и гибкой брони, детородные органы для мужской силы. Похоже, калсидийская знать прислушалась к легендам о целебной и магической силе драконьей плоти и теперь соревновалась в попытках добиться благосклонности своего герцога. Все они стремились достать ему лекарство от пожирающей его болезни. Откуда им было знать, что из последнего бревна диводрева Дождевых чащоб проклюнулась Тинталья. И что драконьих коконов, которые можно было бы распилить и переправить в Калсиду, больше не осталось. И замечательно. Сам Лефтрин разделял мнение большинства торговцев: чем скорее калсидийский герцог ляжет в могилу, тем лучше для торговли и вообще для всех людей на белом свете. При этом, мысля здраво, он полагал, что, пока это счастье не нагрянуло, из болезни старого забияки можно извлечь выгоду.

Итак, размышлял Лефтрин, если он выберет этот путь, нужно будет всего лишь найти способ доставить тяжеленное «бревно» в Калсиду в целости и сохранности. Если внутри обнаружатся останки полупреображенного дракона, цена фантастически взлетит. Значит, нужно привезти этот кокон в Калсиду. И дело сделано. Легко сказать! Ведь только чтобы дотащить кокон до баркаса и погрузить,

понадобятся шкивы и блоки. А дальше предстоит тайная доставка сокровища от устья реки на север, в калсидийские земли. Речной баркас для такого дела не годится. Но если Лефтрин сумеет все устроить и если его не ограбят и не убьют по дороге туда или обратно, то из этого путешествия он вернется богачом.

Лефтрин заковылял быстрее. Покалывание в сапоге перешло в жжение. Пара волдырей – это ерунда, а вот открытая рана быстро превратится в язву, и придется хромать несколько недель.

Выйдя из подлеска на более открытое место возле реки, он учуял запах дыма с камбуза и услышал голоса своей команды. Пахло лепешками и свежим кофе. Пора подняться на борт, не то начнут удивляться, чего ради капитану понадобилось гулять с утра пораньше. Кто-то заботливый спустил с носа веревочный трап. Сварг, наверное. Рулевой всегда думал на два хода дальше, чем остальная команда. На носу торчал Большой Эйдер – опершись на борт, курил свою утреннюю трубочку. Он кивнул капитану и выпустил колечко дыма в качестве приветствия. Если ему и было любопытно, куда и зачем ходил Лефтрин, он ничем этого не выдал.

Поднимаясь по трапу, Лефтрин все еще размышлял, как обратить диводрево в богатство. Но, встретившись взглядом с нарисованными глазами Смоляного, черными и блестящими, замер. У него родилась совершенно иная мысль. Оставить себе. Сохранить и использовать для себя и своего корабля. За несколько долгих мгновений, пока капитан стоял на трапе, перед его мысленным взором одна за другой, подобно разворачивающимся поутру лепесткам цветка, предстали удивительные возможности.

Лефтрин погладил борт своего баркаса:

– А я могу, старина. Могу так сделать.

Он поднялся на палубу, стянул протекающие сапоги и бросил их в реку – пусть дожирает.

*Пятнадцатый день месяца Рыбы,
седьмой год правления его славнейшего
и могущественнейшего величества сатрапа Касго,
первый год Вольного союза торговцев*

*От Детози, смотрительницы голубятни в Трехоге, —
Эреку, смотрителю голубятни в Удачном*

В запечатанном свитке – очень важное послание от трехогского Совета торговцев Дождевых чащоб Совету торговцев Удачного. Вам предлагают прислать избранного представителя по случаю выхода драконов Дождевых чащоб из коконов. По указанию высочайшей царственной драконицы Тинталы коконы будут вынесены на солнечный свет в пятнадцатый день месяца Возрождения, через сорок пять дней. Совет торговцев Дождевых чащоб ожидает вашего присутствия при появлении на свет драконов.

Эрек! Почисти свой птичник и заново побели известью стены клеток. Последние две птицы, прибывшие ко мне от тебя, были вишивыми и занесли мне паразитов в одну клетку.

Детози

Глава 2

Драконы выходят из коконов

Тимаре посчастливилось оказаться в нужное время в нужном месте.

«Вот уж удача подвалила!» – думала она, забираясь на нижнюю ветку дерева на краю змеиногo берега.

Обычно она не ходила с отцом на нижние ярусы Трехога и уж тем более ни разу не бывала в Кассарике. А вот теперь она здесь, да еще в тот самый день, который Тинталья назначила, чтобы открыть драконьи коконы. Тимара посмотрела на отца, тот ей улыбнулся. Нет, вдруг поняла она, это не просто удача. Отец знал, как ей здесь понравится, и нарочно придумал взять ее сюда. Она улыбнулась ему в ответ со всей уверенностью одиннадцатилетней девчонки и снова стала смотреть на берег. Отец по-птичьи примостился на ветке потолще, у самого ствола того же гигантского дерева.

– Осторожнее, Тимара, – предупредил он. – Они вот-вот вылупятся. И будут голодны. Если упадешь, могут принять тебя за очередной кусок мяса.

Девочка, тоненькая и жилистая, поглубже вонзила черные когти в кору. Она понимала: отец лишь отчасти поддразнивает ее, на самом же деле он серьезен.

– Не бойся, пап, – сказала она. – Я ведь рождена, чтобы жить на деревьях. Не упаду.

Она лежала ничком на хрупкой ветке, которой ни один другой древолаз не рискнул бы довериться. Но Тимара знала: ветка выдержит. Девочка прижималась к коре животом, словно одна из тощих древесных ящериц, устроившихся поблизости. И подобно им, Тимара перемещалась по ветке, вытянувшись во весь рост, цепляясь пальцами рук и ног за широкие трещины в коре и крепко обнимая конечность дерева, служившую ей опорой.

Дерево, на котором она примостилась, было одним из тысяч и тысяч деревьев Дождевых чащоб. На многие дни пути простирались

чащобы по обе стороны широкой серой Дождевой реки. В окрестностях Кассарика, как и на землях, протянувшихся на несколько дней пути вверх по течению реки, господствовали крепость-деревья. Ветви у них были широкие и росли горизонтально – как нельзя удобно для того, чтобы строить на них дома. Когда крепость-дерево вырастало достаточно большим, оно отпускало висячие корни, которые тянулись с нижних веток к земле, зарывались в нее и со временем грубели, так что каждый ствол оказывался окружен надежным крепостным частоколом, придававшим ему устойчивости. Вокруг Кассарика лес рос куда гуще, чем в Трехоге, а ветви крепость-деревьев тут были гораздо шире, чем привыкла Тимара, так что лазить по ним оказалось до смешного легко. Сегодня девочка забралась на самый дальний, лишенный опор-корней отросток ветки, откуда ничто не заслоняло ей вид и она могла без помех любоваться представлением.

Впереди, за грязевой равниной, открывался вид на молочно-белую реку. В туманной дымке на другом берегу раскинулся густой лес. Лето окрасило его во множество оттенков зелени. Шум этой реки, перекатывающей гальку, сопровождал Тимару всю жизнь. Ближе к берегу было мелко, и между потоками воды виднелись полосы гальки и глины, переходящие в вязкую отмель прямо под деревом, на котором сидела девочка. Прошлой зимой эту часть берега спешно укрепили бревенчатыми перемычками. Они пострадали от наводнения, но бо`льшая часть бревен осталась на месте.

Берег был усеян похожими на плавник змеиными коконами. Некогда здесь росли жесткая трава и колючий кустарник, но их уничтожили морские змеи, приплывшие зимой. Тимара не видела, как они появились, но много слышала об этом. В городах Дождевых чащоб не было ни одного человека, который не знал бы этой истории. Целая стая – клубок из сотни гигантских змей – поднялась по реке в сопровождении живого корабля и великолепного серебристо-синего дракона. Юный Старший Сельден Вестрит встретил змей на этом самом месте и поздравил с возвращением на родину. Он руководил теми жителями Дождевых чащоб, которые вызвались помочь змеям окуклиться. Почти всю зиму он провел в Кассарике, приглядывая за коконами со спящими в них змеями. Коконны укрыли листвой и илом, чтобы уберечь от холода, дождей и даже солнечного света. Тимара

слышала, что сегодня Старший снова здесь – вернулся, чтобы не пропустить пробуждение.

До сих пор девочке, к ее досаде, не удалось увидеть Сельдена. Скорее всего, он был где-то в центре площадки, на помосте, устроенном для членов Совета Дождевых чащоб и прочих важных персон. Толпа вокруг помоста пестрела плащами торговцев, а люд попроче расселся на деревьях, словно стая перелетных птиц. Тимара была довольна, что отец привел ее именно сюда, на дальний край: пускай здесь куда меньше коконов, но и людей, которые бы заслоняли обзор, намного меньше. Впрочем, и поближе к помосту сидеть было бы неплохо – слушать музыку, разговоры и смотреть на настоящего Старшего.

От одной мысли о нем Тимара преисполнилась гордости. Сельден Вестрит был родом из Удачного и, как и она сама, из семьи торговца. Но драконица Тинталья коснулась его, и он стал превращаться в Старшего – первого на памяти нынешнего поколения людей. А сейчас, кроме него, есть еще двое Старших – сестра Сельдена Малта и Рэйн Хупрус, уроженец Дождевых чащоб. Тимара вздохнула. Словно сказка становится явью. Морские змеи, драконы и Старшие вернулись на Проклятые Берега. И она своими глазами увидит, как вылупятся молодые драконы. Сегодня после полудня они покинут коконы и взлетят в небо.

Весь речной берег, куда ни глянь, был усеян серыми коконами, и каждый из них заключал в себе змея. Кокон очистили от листвы, веток и ила, под покровом которых они пролежали всю зиму и весну. Некоторые коконы были огромны, как речные баржи, другие – поменьше, размером с бревно. Одни блестели масляно и серебристо, другие съежились или просели и были просто серыми, и Тимара, с ее тонким нюхом, ощущала исходящий от них смрад мертвых рептилий. Змеи из этих коконов уже никогда не станут драконами.

Торговцы Дождевых чащоб под началом Сельдена, выполняя обещания, которые они дали Тинталья, сделали все возможное для окуклившихся змеев. Если кокон казался им слишком тонким, его обмазывали дополнительными слоями глины. Все коконы тщательно укрыли листвой и ветками – как требовала Тинталья: не только от зимних бурь, но и от весеннего солнца. Змеи окуклились слишком поздно, а свет и тепло заставили бы их проклюнуться раньше срока,

поэтому Тинталья хотела, чтобы коконы лежали под покровом до середины лета: драконам следовало дать больше времени. Стражи из Дождевых чащоб и татуированные – бывшие джамелийские рабы – старались изо всех сил. Таковы были условия сделки торговцев Дождевых чащоб с драконицей Тинтальяй. Она согласилась оберегать устье реки от вторжений калсидийцев, взамен торговцы пообещали помочь змеям добраться до их древнего места окукливания и заботиться о коконах, пока змеи преобразуются в них. Обе стороны сдержали обещание. Сегодня все увидят результаты этой сделки – новое поколение драконов, союзников Удачного и Дождевых чащоб, впервые расправит крылья и взлетит к небесам.

Зима безжалостно обошлась с коконами. Ураганные ветры и ливни оставили на них свои отметины. Хуже всего было то, что вздувшаяся от дождей и затопившая площадку река разбросала коконы, смыла с них глину и многие повредила. Когда вода схлынула, люди недосчитались двадцати коконов. Из семидесяти девяти осталось только пятьдесят девять, и некоторые были так повреждены, что вряд ли их обитатели выжили. Наводнения в Дождевых чащобах были обычным делом, но сейчас Тимара горевала. Что стало с теми пропавшими коконами и драконами в них? Поглотила ли их река? Унесла ли в соленое море?

В этом лесу царила река – широкая, прихотливо менявшая глубину и течение, не имевшая настоящих берегов. В мире, известном Тимаре, не было суши – даже слова такого не существовало. То, что сегодня можно было счесть лесной почвой, завтра становилось топью или заводью. Одни лишь гигантские деревья казались неподвластными переменчивой реке, но и им нельзя было доверять безоглядно. Жители Дождевых чащоб строили жилища только на самых больших и устойчивых деревьях, их дома и дороги, подобно прочным гирляндам, украшали средний ярус ветвей и стволов. Подвесные мосты тянулись от дерева к дереву, и ближе к земле, на развилках ветвей потолще, находились самые крупные рынки и дома самых богатых семейств. Чем выше, тем легче становились строения, соседние дома соединяли мосты из лиан и веревок, гигантские стволы обвивали лестницы. Чем дальше в крону, тем эфемерней выглядели мосты и лестницы. Все жители Дождевых чащоб должны были быть немного древолазами,

чтобы передвигаться по своим селениям. Но не многие могли сравниться в этом умении с Тимарой.

Тимара ничуть не боялась упасть со своего ненадежного насеста. Она целиком обратилась в зрение, не отрывая серебристо-серых глаз от чуда, творящегося внизу.

Солнце поднялось выше, его лучи осветили верхние ветки деревьев и коконы на берегу. День был не слишком жаркий для летней поры, но некоторые коконы, согревшись, уже начали испускать пар. Тимара сосредоточила внимание на большом коконе прямо под ней. Над ним тоже появился пар, запахло рептилией. Тимара сузила ноздри и с восторгом уставилась на кокон. Это бревно диводрева теряло твердость.

Тимара знала, что такое диводрево и что раньше его было принято использовать как особо прочную древесину. Оно было куда крепче самого крепкого из деревьев – об него всего лишь за утро можно было затупить топор или пилу. Но сейчас серебряно-серое «дерево» драконьего кокона внизу размягчилось, задымилось и пошло пузырями, оседая на нечто неподвижное внутри.

Тот, кто был в коконе, изогнулся и затрепыхался. Диводрево разорвалось, как пленка. Скелетообразное создание поглощало растекающийся кокон. Тимара видела, как тощая плоть дракона наливается и сквозь нее проступает цвет. Дракон был куда меньше, чем можно было бы ожидать, судя по размерам кокона и слухам о Тинталье. Облачко пахучего пара рассеялось, и из оседающего кокона показалась тупоногая драконья голова.

Свободен!

У Тимары закружилась голова, когда ее разума коснулась драконья речь. Сердце забило, как у птицы, взмывшей в небеса. Она способна понимать драконов! Когда появилась Тинталья, стало ясно, что одним людям доступна драконья речь, а другие слышат лишь рычание, свист и угрожающее шипение. Когда Тинталья впервые показалась в Трехоге и заговорила с толпой, лишь некоторые поняли ее, остальные же ничего не разобрали.

Тимаре было приятно осознавать, что, если дракон снизойдет до разговора с ней, она его поймет. Девочка свесилась с ветки еще ниже.

– Тимара! – предостерегающе крикнул отец.

– Я осторожно! – ответила она, даже не взглянув на него.

Внизу молодой дракон разевал красную пасть и рвал в клочья удерживающий его кокон. Это была самка. Тимара не смогла бы объяснить, откуда ей это стало известно. У новорожденного создания были внушительного размера зубы. Оно оторвало кусок обмякшего диводрева, запрокинуло голову и сглотнуло.

– Она ест диводрево! – крикнула Тимара отцу.

– Да, я слышал об этом, – ответил он. – Сельден Старший сказал, что он видел рождение Тинтальи. Ее кокон тоже растекался по шкуре. Я думаю, это придает им сил.

Тимара не ответила. Отец, очевидно, был прав. Казалось невероятным, что оболочка, заключавшая в себе дракона, уместится теперь в его брюхе, но существо внизу, похоже, было намерено сожрать ее всю. Драконица высвобождалась из кокона, проедавая себе путь наружу, отгрызая волокнистые куски и глотая их целиком. Тимара сочувственно морщилась. Ужасно, наверное, чувствовать такой голод, едва появившись на свет. Благодарение Са, что у драконицы есть чем его утолить.

Над толпой зрителей пронесся общий вздох, и ветка Тимары закачалась на ветру так, что девочка едва успела вцепиться в нее. И тут же послышался звук тяжелого удара, отдавшийся по всему дереву, – это приземлилась Тинталья.

Драконья королева под лучами солнца переливалась лазурью и серебром. Она была втрое крупнее проклеывающихся драконов. Тинталья сложила крылья, как корабль убирает паруса: аккуратно прижала их к телу и скрестила по-птичьи на спине. Затем разжала пасть и бросила на землю оленя. «Ешьте», – велела она молодым драконам. Не останавливаясь и не глядя на них, Тинталья двинулась к реке и стала пить молочно-белую воду. Напившись, драконица подняла огромную голову и расправила крылья. Мощные задние лапы напряглись, она подпрыгнула. Крылья тяжело забили по воздуху, Тинталья медленно оторвалась от земли и полетела вверх по реке, охотиться дальше.

– Ох ты, бедолага! – В низком голосе отца слышалось сочувствие.

Драконица под Тимарой еще отрывала куски от своей оболочки и пожирала их. Серый обрывок пелены прилип к морде. Рептилия смахнула его когтями корявой передней лапы. Тимара подумала, что дракончик похож на ребенка, перемазавшегося овсянкой. Детеныш

оказался меньше, чем она ожидала, но ведь он еще вырастет. Тимара посмотрела на отца и проследила за его взглядом.

Пока она наблюдала за ближайшим драконом, другие уже повыбирались из своих коконов. Теперь их манил запах крови убитого оленя. Два дракона, один тускло-желтый, другой болотно-зеленый, топтались возле туши. Они не дрались, они были слишком заняты едой. Драка, наверное, начнется из-за последнего куска, решила Тимара. Пока же оба вгрызались в оленя – передними лапами прижимали тушу, зубами рвали шкуру, выдирали куски мяса и глотали, запрокидывая голову. Один рвал мягкое брюхо, из желтой пасти свисали внутренности. Сцена дикая, но не страшнее, чем трапеза любого другого хищника.

Тимара снова поглядела на отца и на этот раз поняла, куда он смотрит. Насыщающиеся драконы над полуобъеденной тушей загораживали ей обзор. Отец смотрел на молодого дракона, который не мог встать. Он барахтался на земле и полз на брюхе. Его задние лапы напоминали какие-то обрубки. Голова моталась на тонкой шее. Внезапно он содрогнулся, вскинулся и закачался. Даже цвет у него был неправильный – серый, как глина, а шкура такая тонкая, что под ней виднелись белые внутренности.

Этот недоразвитый дракон был обречен – он вылупился слишком рано. Но все равно полз к еде. Тимара увидела, как он с силой оттолкнулся уродливой задней лапой и рухнул на бок. По глупости – или, скорее, в тщетной попытке подняться – существо расправило нелепые крылья и тут же завалилось на одно из них. Крыло согнулось не в ту сторону, послышался треск. В голове Тимары ярко и сильно плеснуло болью – крик, который издало это создание, был куда слабее. Тимара дернулась и чуть не отпустила ветку. Вцепившись покрепче, она закрыла глаза, борясь с накотившей тошнотой.

Постепенно до Тимары дошло, что именно этого и боялась Тинталья. Драконица требовала укрыть коконы от света, надеясь обеспечить окуклившимся нормальную спячку. И хотя со сроком выхода из коконов тянули до самого лета, времени драконам все равно не хватило – или сказались их чрезмерная усталость и истощение во время окукливания. Они все были недоразвитыми. Они едва могли двигаться. Тимара ощущала смятение пополам с болью, которые

испытывал юный дракон. С трудом ей удалось отгородиться от этого чувства.

Открыв глаза, она опять замерла от ужаса. Ее отец спустился с дерева и начал пробираться между оживающими коконами прямо к упавшему детенышу. А тот был уже мертв – Тимара вдруг поняла, что не видит этого, а ощущает. Но отец-то этого не понимал. На его лице читалась тревога за дракона. Тимара знала своего отца. Он всегда готов прийти на помощь. Такой он человек.

То, что существо мертво, ощутила не одна Тимара. Два новорожденных дракона оставили от оленя лишь кровавые ошметки, втоптаные в глинистую землю, подняли головы и повернулись к упавшему. Только что вылупившийся красный дракон со слишком коротким хвостом тоже направился к нему. Желтый зашипел и двинулся быстрее. Зеленый широко раскрыл пасть и издал звук – не рев и не шипение. Вместе со звуком из пасти ему под лапы полетели капли слюны. Он нацелился на отца! Благодарение Са, это создание было слишком юным и не могло испустить облако обжигающего яда. А взрослые драконы могли. Тимара слышала, что Тинталья, сражаясь за Удачный, брызгала ядом на калсидийцев. Он прожигал и плоть, и кости.

Хоть зеленый дракон и не смог навредить отцу своим дыханием, его нападение привлекло к человеку внимание короткохвостого красного. Желтый и зеленый драконы подступили к мертвому и угрожающе рычали друг на друга над его телом, а красный стал подкрадываться к отцу.

Ну когда же отец поймет: этот новорожденный дракон мертв и помочь ему нельзя? Ведь он сто, нет, тысячу раз советовал Тимаре быть поосторожнее там, где водятся хищники. «Если у тебя есть мясо, а на него нацелился древесный кот, брось мясо и беги. Мяса можно добыть еще, а другой жизни взять неоткуда», – поучал ее отец. Поэтому он должен вернуться, увидев, как к нему подкрадывается красный.

Но он не смотрел на красного. Его взгляд был прикован к упавшему, и когда желтый и зеленый драконы прикоснулись к неподвижному телу, отец закричал:

– Нет! Оставьте его, дайте ему шанс!

Он замахал руками, будто отгоняя стервятников от добычи, и побежал к упавшему.

«Зачем?» – хотела крикнуть Тимара.

Эти только что вылупившиеся драконы были крупнее отца. Они, может, и не умели изрыгать пламя, но уже знали, зачем им зубы и когти.

– Папа! Нет! Он мертвый, он уже умер! Папа, беги оттуда!

Он услышал. Остановился и оглянулся.

– Пап, он мертвый, ему уже не помочь! Уходи оттуда! Налево, налево! Папа, там красный!

Желтый и зеленый занялись своим мертвым собратом. Они рвали его на части точно так же, как до этого оленью тушу. Сил у них прибавилось, так что они были не прочь подраться за лучшие куски. На человека драконы уже не обращали внимания. Теперь Тимару больше всего волновал красный, который неровно, но быстро приближался к ее отцу. Тот наконец заметил опасность. И сделал то, чего Тимара опасалась, – с древесными котами этот трюк часто срабатывал. Отец расстегнул рубашку и распахнул полы пошире. «Когда тебе кто-то угрожает, старайся казаться больше, – часто говорил он ей. – Притворись чем-нибудь необычным, и животное станет осторожнее. Прикинься больше размером, и оно может отступить. Но никогда не беги. Смотри внимательно, кажись больше и медленно отступай. Коты любят догонялки. Не играй с ними в эту игру».

Но перед ним был не кот, а дракон. С широко раскрытой алой пастью и острыми белыми зубами. Голодный. И хотя отец теперь казался крупнее, дракон не испугался. Тимара почувствовала его радостный интерес.

Мясо. Большой кусок. Еда!

Голод гнал дракона, заставляя ковылять за отступающим человеком.

– Это не мясо! – закричала Тимара. – Не еда! Папа, беги! Беги!

Два чуда случились одновременно. Молодой дракон услышал ее. Озадаченно повернул к ней свою тупоносую голову, потерял равновесие и по-дурацки затоптался по кругу. Тимара поняла, что так смущало ее в его облике. Дракон был уродом – одна задняя лапа оказалась намного короче другой.

Не еда? – донеслось до Тимары. – *Не еда? Не мясо?*

Ей стало жаль красного. Не мясо. Только голод. На мгновение девочка и дракон стали одним целым, и Тимара ощутила и пустоту в его желудке, и его разочарование.

Второе чудо разорвало эту связь. Ее услышал и отец. Он опустил руки, развернулся и бросился бежать обратно к деревьям. Тимара видела, как отец уклонился от маленького синего дракона, который клацнул зубами ему вслед, добежал до дерева и взобрался на него с ловкостью, отшлифованной годами. Теперь он был в безопасности, драконы не могли добраться досюда – хотя синий с надеждой потопал следом и теперь стоял под деревом, сопел и нюхал ствол. Потом даже попробовал укусить дерево и отпрянул, мотая головой.

Это не еда! – решил он и поковылял прочь.

Из бревен диводрева выходило все больше драконов. Тимара не следила, куда пошел этот синий. Она встала на своей ветке и побежала к стволу. Встретив отца, девочка схватила его за руку и уткнулась ему в плечо. От него пахло страхом.

– Пап, ты о чем думал? – спросила она и сама испугалась гнева, прозвучавшего в голосе. И тут же поняла, что имеет на это право. – Если бы я так сделала, ты бы разозлился! Зачем ты туда спустился, чем ты мог ему помочь?

– Лезем выше, – выдохнул отец.

И Тимара полезла за ним вверх. Там была хорошая ветвь, толстая и почти горизонтальная. Они сели на ней бок о бок. Отец все еще не мог отдышаться – то ли от пережитого страха, то ли от бега, то ли от того и другого. Тимара вытащила из своего ранца фляжку с водой и протянула ему. Он с благодарностью взял и стал пить.

– Они могли убить тебя.

Отец оторвался от горлышка, закрыл фляжку и вернул ей.

– Они же еще детки. Неуклюжие детки. Я ведь убежал.

– Они не дети! Они не были детьми, когда закрывались в свои коконы, а теперь и вовсе драконы. Тинталья могла летать уже через несколько часов после того, как вылупилась. Летать и убивать!

В листве блеснуло серебро с голубым. Дракон нырнул вниз, и зелень разметало в стороны. Ветер, поднятый крыльями, достиг дерева и сидевших на нем жителей чащоб. Из драконьих когтей выпала еще одна оленья туша, глухо шлепнулась о глину – и тут же крылья снова